

щица, что «над текстом произведена самая настоящая корректура».¹⁶⁷ Едва ли, однако, можно допустить, что ни государственные дела, ни сыски по заговору, ни большое нервное напряжение не мешали царю в эти годы быть усидчивым «правщиком гранок».

Но им должен был быть «секретарь тирана». Д. Н. Альшиц стремится доказать, что царь сам правил рукопись, неоднократно проверяя текст по документам.¹⁶⁸ Весьма трудно вообразить себе Грозного в такой роли. Но она совершенно естественна для Висковатого, начавшего свою «головкружительную карьеру» (как отмечает И. И. Смирнов) в роли писца и дошедшего до «канцлерства», по выражению иностранцев. Он был не только «писарем» и «верником», по утверждению врагов, он являл собой новый для эпохи тип поборника создававшейся «империи», централизованного государства; с его мнением считался Грозный, а дьяк Иван Михайлов не боялся высказывать свою точку зрения и в Боярской думе,¹⁶⁹ и на Земском собрании.¹⁷⁰

Висковатый — в первую очередь дипломат, многолетний глава Посольского приказа. Естественно, что он знал дела этого приказа лучше всех и правил их быстрее всех. Под «лето 7051», т. е. 1543 г., в Царственной книге написано: «Тоя же осени, октоврия 15, приидоша послы великого государя Ивана Васильевича вся Руси от Жигимонта короля Польского Василей Григорьевич Морозов да Федор Семенович Воронцов да диак Посник Губин з грамотою перемирною за королевою печатию».¹⁷¹ В квадратных скобках помещена приписка. Как бы эту неточность мог заметить Грозный? Ошибка писца — в пропуске фамилии, но текст вполне грамматичен, это рутинный текст из посольской хроники. В 1543 г. Ивану было около 13 лет, едва ли он мог помнить состав посольства. Д. Н. Альшиц объясняет: «Это исправление с очевидностью подтверждает наш прежний вывод о том, что, редактируя лицевой свод, царь держал перед собой один из списков Никоновской летописи, по которому сверял редактируемый текст».¹⁷² Если же редактором был Висковатый, дело выглядит по-другому. В 1542 г., 19 марта, он сам как подьячий писал перемирную грамоту, с которой уехали в Польшу эти же послы. Не удивительно, что в 1568 г. он сразу заметил эту ошибку и ее исправил, может быть, и заглянув в Никоновскую летопись, хотя в этом для Висковатого не было необходимости. Кроме того, в Царском архиве, в ящике 136, лежал оригинал этой грамоты, и в описи перечислены в том же порядке, без ошибки, те же лица, — Висковатый, заведующий архивом, мог легко восстановить состав посольства.

По той же самой причине, например, в рассказе об отправлении послов в Литву в 1542 г. Висковатый прибавил к имени дьяка Постника Губина два слова: «сына Моклокова»; видимо, он хорошо его знал.¹⁷³ Того же типа «профессиональное добавление» под 1546 г.: при упоминании крымского царя скорописью приписано «Санип Гирею».¹⁷⁴

¹⁶⁷ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 263.

¹⁶⁸ Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 125.

¹⁶⁹ См. замечательный случай в переговорах с польско-литовским послом Двойной, когда Висковатый настоял на перенесении вопроса, уже принятого царем и Боярской думой (И. И. Смирнов, стр. 258—259).

¹⁷⁰ Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1920, стр. 8—9.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441—442.

¹⁷² Д. Н. Альшиц. Источники..., стр. 123.

¹⁷³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 441. В архиве были дела «Губы Моклокова» (см.: С. О. Шмидт. Описи царского архива..., стр. 26).

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 448.